

На следующее утро, когда приготовления к пути были завершены, герои обнаружили, что Е Чанлин снова бесследно исчез. Янь Хуайлин и Цзан Е хотели лично поблагодарить хозяина перед отъездом, но, не застав его, ограничились лишь легким чувством сожаления.

Заклинатели Обитатели Зелёных Пиков, стараясь выказать гостеприимство, подготовили для них дорожные припасы и вещи, после чего проводили до ворот. Из-за сломанного веера Янь Хуайлин решил сначала заглянуть в Нинчжоу, в то время как Цзан Е отправился за лошадьми, оставленными за чертой города.

Прогуливаясь по торговым рядам, Янь Хуайлин не нашел ни одного веера, который пришелся бы ему по душе, и уже начал терять терпение. Когда Цзан Е вернулся, ведя коней под уздцы, тот всё еще бесцельно бродил среди лавок.

— Нашли что-нибудь подходящее? — спросил Цзан Е, бросив взгляд на простенький бумажный веер в руках спутника, чей вид оставлял желать лучшего.

Янь Хуайлин затажно вздохнул, выражая досаду, точно после неудачного сватовства:

— Ничего.

— Какие же веера предпочитает молодой господин Янь? — Цзан Е с самым серьезным видом оглядывал товар уличных торговцев. Казалось, он хотел покончить с этим делом как можно скорее — в конце концов, им предстоял долгий путь.

Янь Хуайлин, держа свой жалкий бумажный веер, склонил голову набок и лукаво усмехнулся:

— А что, если господин Цзан сам выберет для меня?

Цзан Е на мгновение замер и обернулся. В лучах утреннего солнца лицо Янь Хуайлина казалось особенно безмятежным и приятным.

— Боюсь, мой вкус лишь испортит господину настроение.

Хуайлин, видя его почтительную серьезность, решил пойти до конца в своей шутке:

— Но если я всё же настою на вашей помощи?

Цзан Е помедлил.

— То, что выберу я, вряд ли будет соответствовать вашим высоким запросам.

— О, вы слишком высокого мнения о моей требовательности, — Янь Хуайлин был явно доволен таким ответом. — Не беспокойтесь. Если выбор сделаете вы, я обещаю принять его без возражений.

Цзан Е промолчал. Дела, касающиеся изящных искусств, его мало занимали, но двусмысленный тон Хуайлина не оставлял пути к отступлению. В конце концов он согласился и принялся внимательно изучать ассортимент в одной из лавок. Его сосредоточенность была столь велика, будто он выслеживал врага, отчего торговец даже немного растерялся.

— Э-э... уважаемый господин? — осторожно подал голос лавочник, не решаясь прервать глубокие раздумья Цзан Е.

Янь Хуайлин, поджав губы, следил за взглядом спутника, гадая, на чем тот остановится. Среди вееров были и роскошные, с золотым шитьем и яркими цветами; и совсем простые, лишённые всяких украшений, выдержанные в строгих тонах; и те, что изображали туманные горы и бамбуковые рощи, полные отстраненного изящества.

Хуайлин уже почти определился с догадкой, когда Цзан Е внезапно посмотрел на него. От этого взгляда Янь Хуайлин на мгновение вздрогнул. В отличие от того тяжелого и прямого взора, которым гвардеец обычно одаривал подчиненных при получении задания, сейчас он смотрел с легким любопытством, смешанным с какой-то непривычной вольностью.

Впрочем, это длилось лишь миг. Цзан Е указал на веер, лежавший в самом углу, и произнес ровным голосом:

— Этот.

Янь Хуайлин заметил, что выбранный предмет не принадлежал ни к одной из групп, которые он приметил ранее. Торговец подал веер, и Хуайлин раскрыл его. На одной стороне был начертан тушью бамбук, а на другой виднелись строки:

«Облик его величественен, деяния — благородны; герой среди странников, муж изящных манер. Чуждый прикрас, он волен, точно небесный скакун, и следует лишь зову сердца».

Глядя на эти слова, Янь Хуайлин внезапно почувствовал, как краска смущения заливает его лицо. Бумага была превосходной, аромат туши — тонким, и веер действительно соответствовал его обычному стилю, но строки... описывать ими такого повесу, как он, казалось почти кощунством.

Заметив его замешательство, Цзан Е невозмутимо добавил:

— Если господину не нравится, вы вольны выбрать другой. Я не обижусь.

Сердце Хуайлина всё еще взволнованно билось, когда он спросил, не отрывая взгляда от веера:

— Господин Цзан... почему вы выбрали именно его?

Цзан Е ответил прямо:

— Сейчас вы живете в Тайяни. Эти строки посвящены Шу Цзицзюю, герою, стоявшему у истоков основания этого края. Если использовать такой веер в бою, он придаст вам сил и воодушевления.

Янь Хуайлин застыл. Шу Цзицзюй?.. С тех пор как он прибыл в Тайянь, его совершенно не интересовала местная история, не говоря уже о национальных героях. Осознание того, что он ошибочно принял эти строки за личную похвалу от Цзан Е, мгновенно изменило его настрой.

Вспыхнув от внезапного раздражения, он отложил веер и холодно процедил:

— Это мне не подходит.

Цзан Е, озадаченный такой переменной, примирительно заметил:

— Я ведь предупреждал, что господин останется недоволен.

Чувствуя непонятную обиду, Янь Хуайлин бросил взгляд на веер. Ему стало жаль оставлять эту вещь пылиться среди прочих безвкусных побрякушек, и он бросил торговцу:

— Я беру его.

Цзан Е лишь подивился тому, как быстро меняется настроение этого человека — быстрее, чем у любой капризной девы. Он молча наблюдал, как Янь Хуайлин расплачивается.

— У тебя есть кисть? — спросил Хуайлин лавочника.

Тот, хотя и не понял замысла, услужливо принес кисть из волчьей шерсти и краски. Подумав, что Хуайлину просто не нравится рисунок, Цзан Е с интересом ждал, что же тот изобразит. Однако Янь Хуайлин, обмакнув кисть в белоснежную краску, несколькими размашистыми мазками полностью закрасил иероглифы. Теперь с одной стороны был бамбук, а с другой — чистая белая пустота.

Торговец и Цзан Е замерли в изумлении. Довольный результатом, Янь Хуайлин вернул кисть:

— Благодарю.

— Господин... вам настолько не по душе надпись?

— Все нет, — безмятежно отозвался Хуайлин. — Раз эти слова посвящены герою, моему скромному имени не пристало марать их. Белый цвет означает покой; я скрыл их в самой душе веера, дабы почтить память великого мужа.

Цзан Е и торговец обменялись красноречивыми взглядами. Несмотря на всё красноречие Хуайлина, Цзан Е не мог отделаться от ощущения какой-то фальши. Впрочем, собеседник загадочно улыбался, и понять его истинные мысли было невозможно. Торговец же, не смея перечить, выдал пару льстивых фраз.

— Благодарю за помощь, господин Цзан. Идемте, — бросил Янь Хуайлин и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Гвардеец, вежливо поклонившись лавочнику, поспешил следом. «Этот гость Тайяни воистину странен нравом... Сам просил выбрать, а теперь явно не в духе», — гадал Цзан Е, глядя в спину спутника.

Следующие три дня и три ночи они провели в седле, пока наконец не достигли Мяочжоу. Этот город, раскинувшийся на северной границе Ваньлин, вплотную примыкал к землям Янхуа. В его облике причудливо смешивались северная удаль и южное изящество. Не желая задерживаться в городе, они, следуя указаниям Е Чанлина, сразу направились к горе Юэци-шань.

«Безбрежна гора Юэци-шань: в тених своих прячет она и свет, и тьму, храня в сокровенных глубинах тайны духа. В сердце её сокрыто сокровище, что укрыто от взоров людских густыми зарослями, таясь в безмолвной долине».

Горный хребет Юэци-шань славился своими крутыми склонами и извилистыми тропами; путник, зашедший в эти леса, легко мог сбиться с пути. Если гора Маншань в Нинчжоу славилась статью своих сосен и чистотой ручьев, то Юэци-шань встретила их ледяным пронизывающим ветром и увяданием. Птицы и звери затаились, стоило лишь хрустнуть ветке под ногой. Несмотря на разгар дня, горы казались мертвыми: неподвижные заводы, осыпающиеся скалы и сухие плети вьюнов создавали гнетущую картину запустения.

Не зная точного расположения «Скрытой долины», герои поначалу хотели расспросить местных жителей о тропах, но побоялись привлечь лишнее внимание к своим чужацким одеждам и решили искать дорогу сами. Слава о суровости Юэци-шань была им известна, так что оба были готовы к трудностям. Однако, проведя в поисках весь день и так и не обнаружив заветного места, они почувствовали усталость.

— Господин Цзан, в этих дебрях легко заплутать. Быть может, стоит спуститься в город и заночевать там? Я разужнаю дорогу, и мы вернемся завтра, — предложил Янь Хуайлин.

Цзан Е присел на поваленный ствол, оглядывая сухие заросли. Ему не хотелось отступить, но здравый смысл подсказывал, что Хуайлин прав. Продолжать поиски вслепую до темноты было бессмысленно. К тому же ночью в таком диком лесу наверняка станет небезопасно.

— Хорошо, — кивнул он.

Хуайлин уже собирался подняться, когда в кустах неподалеку послышался сухой шорох. Мгновенно среагировав, он сорвался с места и в прыжке прижал незваного гостя к земле.

Раздался испуганный вскрик. Присмотревшись, Хуайлин увидел под собой щуплое тельце. Фигурка в его руках дрожала — это был ребенок.

— Пощадите, великий герой! Умоляю, не губите... — Ребенок в простой одежде трясся от страха. За спиной у него висел плетеный короб, наполненный какими-то дикими травами.

Цзан Е подошел ближе, сурово взирая на пленника.

— Пощадите... Зовут меня Му Линчжи, я живу здесь, в горах... Будьте милосердны, отпустите меня...

Заметив у ребенка на поясе серп, Янь Хуайлин решил, что это просто деревенский ребенок, вышедший за кореньями, и разжал руки. Но стоило ему ослабить хватку, как мальчишка молниеносно вскинул руку. Два едва заметных снаряда, похожих на тонкие иглы, полетели прямо в Цзан Е и Янь Хуайлина.

Расстояние было слишком малым. Ладонь Хуайлина обожгло болью, а Цзан Е, хотя и успел качнуть головой, получил глубокую царапину на челюсти. Брызнула кровь.

Не обращая внимания на рану, Хуайлин снова схватил ребенка за шиворот и, встряхнув, тщательно обыскал. Убедившись, что оружия больше нет, он обернулся к спутнику:

— Что с ним делать?

Цзан Е посмотрел на ладонь Хуайлина:

— Вы ранены?

Янь Хуайлин взглянул на руку: в кожу, словно тонкое жало, вошел сухой лист какого-то растения.

— Чепуха, — отмахнулся он, но тут же заметил, что кровь на лице Цзан Е не останавливается.

— А вы как?

Смахнув кровь, Цзан Е подошел вплотную, взял руку Хуайлина и принялся внимательно изучать застрявший обломок.

— Не стоит беспокоиться из-за такой царапины, — повторил Хуайлин.

Внезапно Цзан Е изменился в лице. Он резко повернулся к ребенку:

— Малыш, кто ты такой?

— Пустите меня!

— Мы не причинили тебе зла, это было лишь недоразумение. Если бы ты всё объяснил, мы бы отпустили тебя с миром. Зачем же ты пустил в ход яд?

При слове «яд» Янь Хуайлин вздрогнул. Он посмотрел на свою руку, и он помрачнел:

— Яд? О чем вы, господин Цзан?

— Это иглы «Травы Скрытой пчелы». Они смертельно опасны. Если не раздобыть противоядие, через три дня мы потеряем способность двигаться.

Хуайлин в ярости притянул мальчишку к себе:

— Ах ты, паршивец! За что ты решил нас известить?!

— Пустите! Отпустите меня! — заголосил ребенок так, что сорвал голос. — Только попробуйте тронуть, вот придут мои старшие братья, они вам покажут!

— О как, — усмехнулся Янь Хуайлин. — Что ж, мне очень любопытно посмотреть, как выглядят твои «справедливые» братья!

— Линчжи?! Линчжи, где ты?!

Не успел Хуайлин договорить, как из-за сухих деревьев донеслись тревожные крики. Спустя мгновение на поляну выбежали двое юношей в белых одеждах. Увидев представшую картину, они на мгновение замерли от ужаса, но тут же гневно вперились взглядами в незваных гостей, принимая боевые стойки.

— Мерзавцы! Немедленно отпустите нашу сестру!

Сестру?..

Янь Хуайлин опешил. Он снова посмотрел на ребенка в своих руках и язвительно заметил:

— Говорят, женское сердце — самое ядовитое, но ты, малявка, превзошла всех. Столь юна, а уже такая кровожадная!

<http://bllate.org/book/17493/1709443>